18+

Игорь Станович

Первое правило Бога — никому не говори, что ты Бог

Повесть. Фрагмент романа Гоанские хроники

Игорь Станович

Первое правило Бога – никому не говори, что ты Бог. Повесть. Фрагмент романа Гоанские хроники

«Издательские решения»

Станович И.

Первое правило Бога – никому не говори, что ты Бог. Повесть. Фрагмент романа Гоанские хроники / И. Станович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742887-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Он появился в Гоа в 1991 году. С несколькими сотнями рупий в кармане и пятилетним сыном. Тогда Кандолим, где он решил заночевать на пляже, даже не напоминал то, что представляется взору теперь. Баржа с надписью «Москва ДМБ 94» ещё не села на мель возле форта Агуада. Иностранцев было немного. Гест хаусов два с половиной. Шеков не было вовсе, и на пустынном пляже играли обломками вёсел в крикет оборванцы — дети рыбаков, ныне отрастившие животики от сытной жизни, владельцы гостиниц и ресортов.

ISBN 978-5-44-742887-7

© Станович И.
© Издательские решения

Содержание

1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Первое правило Бога – никому не говори, что ты Бог Повесть. Фрагмент романа Гоанские хроники

Игорь Станович

© Игорь Станович, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Бывший капитан ГАИ из Бутово, а ныне кочевой гоан из Арамболя Андрей Ивушкин приехал в Кандолим с женой на такси. Ольга сидеть на байке уже не могла. Да и такси пришлось взять – микроавтобусик «Марути», который был шире мягкого и комфортабельного Судзуки «Воган». Ольге надо было как-то разместить горящую огнём от боли ногу, каждое касание к которой вызывало потемнение в глазах. По схеме, довольно доходчиво изображённой ему авторитетным гоаном Тимуром Мамаевым, к моменту её рисования употребившим уже шестой в этот день чалом, он сразу нашёл дом. Дом, прилегающий к нему ресторан под названием «Ку Ку Гарден», а также прочие владения загадочного китайца приютились в тихом, вальяжном по гоанским понятиям районе, облюбованном иностранцами с достатком. Преобладающее народонаселение этих мест – приезжающая на сезон обуржуазившаяся некогда хипповская тусовка, теперь разбогатевшая, раздобревшая, обрюзгшая от повысившегося качества жизни и оставшихся с молодости привычек. В своё время вкусившая вольницы и химической составляющей психоделического движения молодёжь, пионерившая на западном берегу Индостана, частично вернулась в социум. Покончала Кембриджи с Оксфордами, позаводила бизнесы, набомбила различными методами различных эквивалентов человеческого труда. А когда всё уже стало впадлу и обрыдло по самые «ого-го», со всеми этими еврами, бушами, акциями, саркозями и дельпонтами, вспомнила ветер молодости, носившийся в голове и вернулась к истокам. Но ветер ослаб и не может надуть паруса. А тело – у кого отяжелело и плохо держится на воде, у кого плохо выводит продукты жизнедеятельности и поэтому не тонет во время дайвинга, нацепи ты на него хоть двадцатикилограммовый грузовой пояс. Завязывать обувь становится всё тяжелее из-за одышки и живота, непонятно откуда начинающегося и не видать, чем заканчивающегося. И это тоже один из пунктов «за», перевесивший чашу весов в сторону решения поменять климат на тот, который позволяет обходиться без носков и ботинок на шнуровке. Подружка, некогда закрывавшая собой надпись на его спине: «Чувак, если ты это читаешь, значит, моя тёлка вылетела на последнем ухабе», уже не помещается на заднем сидении скутера. А, утрамбовавшись, задирает переднее колесо и увеличивает парусность, закрывая обзор попутным автомобилям. Бездумная гонка по колдобинам в молодости сделала из её позвоночника подобие коленчатого вала. Поэтому, если Магомет будет сидеть и ждать, когда эти горы придут к нему, к горам прибежит другой Магомет, коих немало в Гоа. А это будет совсем не по-китайски, ибо китаец, не занятый делом денно и нощно – это мёртвый китаец. Даже если он китаец, который знает человеческое тело так, что читать ему его легче, чем аспиранту-филологу букварь.

Доктор Ку Ку, как он сам себя называет, или Мастер Зен, как называют его ученики, или просто Мастер, арендовал в Кандолиме участок, построил дом, посадил сад, который назвал «Ку Ку Гарден», и стал принимать страждущих.

Гоа – место бойкое. Кроме бывшей хиппни, замиксованной на друзьях благородных кровей, также жаждущих глотка воздуха свободы с гашишным дымом, люд сюда заносит разношёрстный. От темпераментных в известной области финнов, к концу отпуска опухающих до состояния борцов сумо, до поджарых немцев с плаката группы «Скутер», пугающих чинную публику рёвом своих фриковских байков с пробитыми глушителями. А где фрики, финны, байки, водка, пиво и слоны, между ног которых финны на фриковских байках пытаются проскочить, попивши пива с водкой, там, конечно же, травмы, переломы, ссадины. А если к тому же слон оказался мальчиком, а финн был без шлема и не успел пригнуться, то контузии, сотрясение остатка мозга, у кого он есть, и переломы позвоночника. Вот на такую благодатную почву и посеял семена своего таланта восточного врача и виртуоза акупунктуры Мастер Зен, некогда признавший себя Ку Ку. Десятки людей по всему миру, просыпаясь по утрам и опус-

кая ноги с постели, вспоминают ещё одно имя доктора, давшего возможность их ногам ощущать прохладу пола – Боль. Именно он дал этим людям возможность находиться вертикально к поверхности земли. Да просто жить и думать о чём-нибудь ещё, кроме того, как облегчить страдания своим близким, ухаживающим за парализованным. Доктор знает о Боли всё. Доктор любит Боль. Доктор лечит Болью. Болью, которая калечит тело и души, он лечит душу и тело. Он смакует Боль, заглядывая в глаза приговорённому, он радуется, если увидит в ваших глазах Боль, и расстраивается, как ребёнок, если Боли нет. Боль – орудие его лечения. Если иглы, которыми он орудует в вашем теле – движитель, то Боль – двигатель борьбы с болезнью. И когда игла, удачно воткнутая в бесчувственную конечность, как в масло, прошивает плоть, наконец-то пробуждая энергию, да так, что выскакивает под напором этой энергии, и консилиум учеников восхищённо взрывается: «Чи!!!», улыбающийся китаец с добрыми и сумасшедшими глазами устало подтверждает больному: «Чи, Чи пошла…». Энергия Чи пробилась через омертвевшие нервы, порванные артерии, сломанные кости в атрофированную конечность. Она будет при вас, ваша, только сейчас осознанная свобода материалистического бытия, и пальцы на руках смогут самостоятельно чиркать зажигалкой, и пальцы на ногах не будут казаться бесполезным анахронизмом прошлой жизни. Теперь доктор может покурить. Он отыскивает в китайских штанах золотой китайский портсигар, достаёт из него цветную сигарету «Собрание», чиркает сапфировой кнопкой тяжёлого платинового «Ронсона», и взгляд его уносится в бесконечность за тонкой струйкой благородного дыма, может быть на Тайвань, туда, где его дом? Ученики молча стоят рядом. Они ждут. Они никогда не тревожат Мастера в такие минуты. Китаец любит дорогие хорошие вещи, китаец заслужил комфорт. Как это? Как может врач, видящий насквозь человеческое тело, знающий о последствиях курения и даже запрещающий своим клиентам употребление сахара, курить? Врач не может, но он не врач, он Доктор, Доктор Ку Ку или «куку Доктор». И ему можно. Если другим нельзя, то ему можно всё. Ибо он Доктор Боль, а значит – Доктор Жизнь. Ведь Боль начинает Жизнь, и Боль поддерживает её, и Боль ведёт нас по Жизни, напоминая телу, что оно существует. Ну а саморегулирование, присущее Жизни, к тому же китайской национальности, никогда не позволит Доктору лишнего.

Когда Андрей буквально на себе втаскивал жену на второй этаж, где принимал Ку Ку, подоспели ученики. Взяв Ольгу на руки, они принесли её и уложили на кушетку, застеленную по-индийски чистой простынёй. Лежать она могла на спине, только подложив под голень подушку, но и с ней лицо её искажала гримаса, и от неё веяло Большой Болью. Доктор безразлично посмотрел на ещё одного рутинного пациента. Ну, больно, он почувствовал силу её Боли, так это же хорошо, значит, ещё жива, подправим в порядке очереди, обозначенной на талончике, снятом её мужем с ржавого гвоздя у входа. А пока надо немцу астму убрать, пятнадцать лет мучается, бедолага. Ку Ку одноразовым приспособлением, похожим на шариковую ручку, в которую вместо стержня зарядили шило, наковырял у немецкого гренадёра, распластанного на соседней с россиянкой кушетке, около сотни дырок в спине. Ученики приложили к этим местам вакуумные чаши, являющиеся правнуками «банок», которые ставили в детстве нам бабушки и мамы, исполняя при этом магический ритуал огнепоклонников, засовывая горящие спиртовые факела в волшебные стеклянные колбы. Здесь ничего этого не понадобилось. Приложенный к встроенному в макушку чаши ниппелю маленький насос в виде пистолета, без запомнившегося с детства волшебства отсосал из неё весь воздух, втянув в себя часть кожи на спине бундеса. Большая чаша, установленная между лопаток с напиханной в неё туалетной бумагой для впитывания немецкой крови, запотела изнутри, а маленькая, присосанная под ней, стала быстро наполняться кровью неестественно тёмного цвета.

– Вот, – показал Доктор пальцем на большую «банку». – Излисьняя «Янь», аж пар посёл.

Ученики склонились над фрицем, защёлкали фотоаппараты и мобильники, запечатляя таинственное явление, вряд ли различимое на снимке.

– А вот тут, – он с хлопком оторвал маленькую «баночку», из которой шмякнулись на тело окровавленные туалетные бумажки, – она и притаилась, сейчас мы её будем убивать, убивать!!! – Подмигнул он окружающим весёлым, сумасшедшим глазом. Ученики вытерли кровь, принесли другую чашу, побрызгали на стойкое немецкое туловище из цветочной брызгалки с надписью «Алкоголь», отчего в воздухе разлился сладковато-противный запах местного самогона фени, гонимого из гнилых груш ореха кешью и употребляемого лишь местными «синяками» и российскими туристами. Последним его аромат напоминает деревенский «первачок», «зело, ладно шедший» во время рыбалки где-нибудь под Калязином или на Ахтубе. Ку Ку применил дырокол повторно и с ещё большей яростью. Немец, было, подёргался, но маленький китаец железным пальцем ткнул его куда-то под ребро. Тот дёрнулся сильнее и затих. Доктор несколько раз отрывал «банку», ковырял новые дырки, присосанной сферой что-то выжимал из кровоточащих, проделанных им в пациенте отверстий, приговаривая: «Нет, резать нельзя,… резать плоко, …резать – каналы повредятся, энергетисиские,… мы её и так высосем, … мы её нежно, поцелуями убьём…». Пот выступил на лице увлечённого китайца. Из присоски то и дело выгребались куски окровавленной бумаги с какой-то белой густой субстанцией, которой набралось уже грамм сто.

– Стоп, – поднял вдруг руку Доктор Боль. – А вот и она сама, её «велисиство». Лейте спирт.

Это уже напоминало фильм «Чужие» в самых любимых подростками эпизодах, когда из человеческого тела нарождаются милые членистые и кольчатые сущности. На вымытой самогоном спине из рваной ранки выглядывал отросток, не напоминающий какую-либо часть человеческого тела. Мастер взял пинцет, ухватился им за торчащий кончик и ещё минуты три аккуратно выуживал из тела вредоносный объект, обливаясь потом. Наконец, он с улыбкой поднял на уровень глаз «червячка», побрызгал на него и показал на чёрный кончик.

– Корень, корень, фак его..! – удовлетворённо констатирован он. – Если бы порвался, опять вырастет. – Допуская простительные китайцу ошибки в английском языке, улыбнулся он. Из дальнейшего рассказа стала вырисовываться туманная картина. То ли инфекция, то ли опухоль, то ли ещё какая-то инородная хреновина – Доктор не различал понятий, или окружающие чего-то не догоняли. Он обозначал всё единым английским словом «инфекшен». А может, так он произносил слово «инфламейшен», что означает воспаление. Случилось эта беда у ганса лет пятнадцать назад. И с тех пор «оно» росло и перекрывало суррогатному инкубатору энергетические или ещё какие-то каналы, в результате чего его всё время и мучила астма. Теперь эта «шпыня» отправится на помойку, а Ку Ку устал и хочет покурить. Он бросил кусок «нечто», общёлканного фотоаппаратами, в урну с красными бумажками, улыбка сошла с его губ, пациент стал ему не интересен. Доктор сел на кушетку в ногах притихшей русской и закурил. Несколько минут он пристально её рассматривал. Взгляд медленно прошёлся по телу, остановившись на рваной, по последней гоанской моде, майке, более вольной, нежели те, в которых принято ездить в метро в жаркий июльский день. Заглянул в глаза так, что маленькие иголочки вдруг кольнули девушку в затылок. Потом хлопнул по левому бедру, показывая, чтобы та перевернулась.

– Носька болит? – По-английски, но всё же достаточно по-китайски спросил он, затягиваясь и кладя ладонь на правую ногу женщины.

– Ес. – Выдавила из себя вампирскую улыбку Ольга.

– Красивая. – Вдруг сказал он по-русски. – Осень коросё… Натася?

От возмущения Боль утихла в ноге.

– Оольгаа. – Выдохнула она.

– Русских много красивых, русских много Натась, – невозмутимо продолжал Ку Ку. – Ты не Натася, осень коросё, ты Ольга.

Тем временем он скатывал и стаскивал с неё трикотажные шорты вместе с трусами. Оголив половину попы, он ткнул пальцем в поясницу.

– А почему болит носька? А потому что вот тут весь «с-сит», по-русски – говно. – Последнее слово было произнесено безукоризненно правильно и с выражением.

– Да, да, тут болит, тут биг проблем, много лет уже. Защемило где-то тут… – Простонала девушка. – Последние два месяца терпела… а как совсем невмоготу стало, ой…

– Ой. – Передразнил её Мастер. – Совсем плоко, что долго терпела… масына плоко ездит, к меканику быстро идёс? А когда тело плоко, кодит к Ку Ку, только дурак не идёт…

Он потянул с неё штанишки, до конца сняв с попы. Пальцем тыча между ягодиц, гуру вещал ученикам, наклонившимся с фотоаппаратами.

– В пояснице сдвинулись позвонки. Чи не идёт. Чи не может идти, потому что позвонки, когда смещаются, проходящие внутри них проводочки и трубочки перекрываются. Поэтому носька болит и не сгибается. А тут геморрой, потому как Чи не идёт. Потому что тут, в пояснице, если долго терпеть, может появиться инфламейшен… а когда в пояснице инфламейшен, то Чи утихает?.. Пока Ку Ку не знает, что случилось… и никто не знает, потому что Ку Ку не знает…, а раз Ку Ку не знает, значит, точно никто не знает. Но Ку Ку узнает, потому что Ку Ку надо узнать…, а раз Ку Ку надо узнать, то Ку Ку обязательно узнает…

Это могло продолжаться ещё долго, потому что во время назидательных причитаний он руками исследовал тело девушки, ощупывая попу, просовывая пальцы куда-то в пах, между ног, массируя большим пальцем геморроидальную шишку… Но в это время захрипел немец. Выгибаясь, он закатывал обалделые глаза, пытаясь что-то сказать. Присосанная между его лопаток огромная «банка» втянула в себя столько кожи, что лоб его стал гораздо выше, улыбка шире, глаза напоминали Докторские, а уши – уродливую ночную бабочку, севшую на шею. Он пытался что-то произнести, но бабочка-вампир так вцепилась в его горло, что у него перехватывало дыхание. Ученики обычно старались не нарушать плавное течение размышлений Учителя. Но в данном случае как-то вяло, всё-таки, взяли на себя смелость обратить внимание Великого на попытки тевтонского туловища привлечь внимание. Доктор нетерпеливо отмахнулся, мол, потом, и скинул вьетнамки.

– Сейчас меканик отремонтирует твою ноську, красивая. – Китаец бесцеремонно вскочил на девушку, упёрся коленом в её крестец и закричал мужу. – Поднимай!… Только тико, тико…. – уже шёпотом добавил он, указывая на левую ногу. И придавил таз пациентки к кровати. Ольга вскрикнула, что-то хрустнуло в её теле, бритва Боли полоснула по сознанию, развалив его на две части. Одна половина пространства скрутилась в рулон, оставив вместо себя черноту. Во второй осталось только где-то в самом углу подсознания перевёрнутое китайское лицо с вопрошающими глазами: «Коросё? Осень коросё?».

Потом сознание медленно, кусками, как картинка спутникового телевидения во время грозы, восстановилось. Лицо резво спрыгнуло с кровати и предстало улыбающимся Ку Ку, с руками, ногами и хитрыми сумасшедшими глазами, в поклоне, указывающем на установленную в углу веранды палатку из противомоскитной сетки.

– Стенд ап, красивая, в чиллаут, плиз. – На русско-английском с китайским акцентом пригласил её тайванец.

В шатре на расстеленных в два ряда матрасах лежало несколько человек и оттопыривалось заунывной китайской музыкой. Сама же оттопырка являлась саунд треком к профильной, наилюбимейшей и главной процедуре Жизни Мастера Ку Ку Зена, Доктора Боль. А именно – акупунктуре. Блаженствующие на матрасах люди, некоторые из которых лежали на животе, а какие-то на спине, выглядели по-разному. Кто-то неважно. Кто-то совсем «никаким». Кто-то, как в армии – «выздоравливающим». А кто-то напоминал дикобраза в брачный период, когда он распушает свои иголки. С той только разницей, что дикобразы приплясывают, привлекая самку, а эти только кряхтят, пердят и стонут, не в состоянии напрячь мускулы. Даже

мысль о напряжении мышц сейчас повергает их в тихий трепет. Ибо тело вспоминает Боль предыдущих попыток, когда, по неопытности забыв выключить мобильник в кармане, рука автоматически дёрнулась к нему. И единственная мысль бьётся в мозгу, когда же прекратится эта китайская извращённая экзекуция китайскими иголками под китайскую пыточную музыку. Так думают новички. «Выздоравливающие» со стажем, благодаря опыту расслабляются и даже получают садо-мазное удовольствие, предвкушая возвращающееся здоровье. Процедура эта длится у всех по-разному, на усмотрение Доктора. Кто-то после «банок» оттягивается час. Кому-то он не ставит «банки» вообще, а сразу – «к станку», и держит их двадцать минут. Кому-то прописывает порошок, и его милая, классической китайской наружности помощница Сэма мурлыкающим китайским говорком объясняет пациенту, сколько, куда и как часто его надо принимать.

Откидывая противомоскитные полы, чтобы пропустить даму, галантный Доктор мимоходом оглядел веранду. На глаза ему попался синеющий немец.

– Пардон, мадам, устраивайтесь на матрасе, я не заставлю вас долго ждать. – Чисто, без акцента, с почти оксфордским произношением, вдруг проговорил он.

Вернувшись к кушеткам, Мастер потыкал мраморного оттенка тело пальцем и задумчиво спросил у учеников:

– Я не пойму, он что, синий, или меня от жары заглючило? Разве к нам приходил сегодня Кришна на приём? Нет,… мы сами все во власти Божьей,… это он вызывает на приём, он же – Абсолют, как утверждают кришнаиты. А раз синий и не Кришна, значит, этому человеку плохо, он замёрз! А как можно замёрзнуть в такую погоду?.. Только, если в теле нет Энергии. Тело без энергии мертво, оно мёрзнет и синеет. – Он поднял палец вверх и закончил в голливудском стиле. – Мы теряем его!!!

Ку Ку открутил клапан ниппеля, впустив воздух в сферу и вернув органы слуха и скальп «жмурика» к «заводским настройкам». Легонько, но звучно треснул немца под основание черепа, примерно в то место, откуда только что отъехали уши. Тело дёрнулось, захрипело, открыло налившиеся кровью глаза, надрывно и часто задышало, приобретая совместимый с жизнью цвет.

– И заберите, наконец, эту факинг «банку»! Где вы её взяли, кто просил бегать ко мне домой и шарить по полке с наградами? Я сказал самую большую, имея в виду из тех, что находятся в приёмной. Эту подарили мне студенты, таких вообще не применяют, это же сувенирная, размером XXXL… как ты, солдат?… Да помойте же ему, наконец, спину спиртом, здесь леди, а у вас крови, как в японском кино! Вставай потихоньку, тебе теперь туда. – Похлопал он возвращенца по щеке и указал на шатёр. – От Ку Ку ещё никто мёртвым не уходил… Коросё!!! Располагайся рядом с «красивая».

Он повернулся к ассистентам. Состав их был настолько разновозрастным и интернациональным, что не все понимали друг друга. Ему помогали и «специально обученные люди» из непальцев, и друзья-китайцы, и влюбившиеся пациенты различных полов, в порыве благодарности решившие посвятить себя служению Доктору Жизнь, своему здоровью и избавлению людей от страданий, приникнув к источнику знаний и Энергии, исходящей от Мастера. Китаец взял в руки тяжёлую трость, подкинул её в руке, с загадочной улыбкой глянув на них. Потом повернулся к манекену золотого цвета, всему испещрённому татуировкой схемы расположения основных нервных точек человека. Откинул палкой, проверив, всё ли на месте, ленточку из Индийского флага, прикрывающую гениталии. Пинком ноги развернул манекен и ткнул палкой в середину его спины.

– Здесь была «она», мы её убивали, Энергия Жизни питала и её, она сильно сопротивлялась, я отключил Энергию вот тут. – Он ткнул в левый бок. – И он умер, но и она умерла. Оставалось только включить его и всё… А вы «банку» никак снять не могли. Человек так совсем обидеться может. Сколько раз я показывал, как дыхательный центр включать, ерунды какой-

то доверить нельзя. Всё Ку Ку, всё Ку Ку один делать должен, обо всём помнить должен… Что мы консулу скажем, если у нас гражданин Германии умрёт с «банкой» на спине? Помните, мёртвый пациент уже не может считаться таковым, он сразу переходит в категорию клиентов, сильно теряя во всех своих качествах. В том числе, и в платёжеспособности. И это полбеды. Он становится не нашим клиентом, а их. – Показал он в сторону Калангута, где, дымя по ночам, чтобы не портить аппетит постояльцам близлежащих отелей, располагался центральный крематорий провинции Бартез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.